

ВОЛЬТЕР

Философские
повести

Франсуа-Мари Аруэ Вольтер

Белое и черное

Серия «Философские повести»

OCR Busya

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158249

Вольтер «Философские повести»: Правда; Москва; 1985

Аннотация

Из огромного художественного наследия Вольтера наиболее известны «Философские повести». Писатель блистательно соединил традиционный литературный жанр, где раскрываются кардинальные вопросы бытия, различные философские доктрины, разработанные в свое время Монтестье и Дж.Свифтом, с пародией на слезливые романы о приключениях несчастных влюбленных. Как писал А.Пушкин, Вольтер наводнил Париж произведениями, в которых «философия заговорила общепонятным и шутивным языком».

Современному читателю предоставляется самому оценить насмешливый и стремительный стиль Вольтера, проверить знаменитый тезис писателя: «Все к лучшему в этом лучшем из возможных миров».

Содержание

Вольтер

Белое и черное

В провинции Кандагар¹ все знают историю молодого Рустана. Он был единственным сыном местного мирзы, а мирза – это то же самое, что маркиз у нас или барон у немцев. Отец Рустана честно нажил свое состояние. Молодому Рустану была предназначена в жены дочь такого же мирзы. Обе семьи страстно желали этого брака. Рустан должен был утешить на старости лет родителей, составить счастье своей жены, а также и свое собственное.

Но, на свою беду, он увидел принцессу Кашмира² на ярмарке в Кабуле: эта ярмарка самая знаменитая на свете, куда более многолюдная, чем ярмарки в Бассоре или Астрахани; а приехал туда старый принц Кашмира вместе со своей дочерью вот почему.

У него пропали два самых ценных сокровища: алмаз, величиной с куриное яйцо, на котором индийские мастера выгравировали портрет его дочери (тогда они еще владели этим искусством, а теперь же вовсе его утратили), И дротик, который поражал любую цель, стоило владельцу лишь того пожелать, что не вызывает удивления у нас, но было необыч-

¹ Кандагар – южная провинция Афганистана с одноименным главным городом, расположенным близ реки Аргандаб.

² Кашмир – княжество в средневековой Индии.

ным в Кашмире.

Эти сокровища похитил у принца собственный его факир и отдал их принцессе.

– Берегите как зеницу ока две эти вещи, – сказал он ей, – от них зависит ваша судьба.

После чего он исчез, и никто его больше не видел. Тогда-то принц Кашмира в отчаянии решил отправиться на ярмарку в Кабул – вдруг у кого-нибудь из купцов, съехавшихся сюда со всех концов земли, окажется его алмаз или дротик. А с дочерью он никогда не расставался. Принцесса взяла алмаз с собой, зашив его в пояс, но, не найдя столь надежного тайника для дротика, она оставила его в Кашмире, надежно спрятав в большой китайский сундук.

В Кабуле они встретились с Рустаном и полюбили друг друга со всей пылкостью юности и нежностью жителей их страны. Принцесса в залог своей любви дала Рустану алмаз, а Рустан на прощанье обещал тайно приехать к ней в Кашмир.

У молодого мирзы было два любимца, которые выполняли обязанности секретарей, конюших, дворецких и камердинеров. Одного звали Топаз, он был красив, хорошо сложен, кожа его была белей, чем у черкешенки, вежлив и услужлив, как армянин, мудр, как ученик Зороастра. Второй был красавец негр, еще более предупредительный и находчивый, чем Топаз, не смущавшийся никакими трудностями, и звали его Эбен. Рустан поведал им о своем намерении посетить Кашмир. Топаз постарался отговорить хозяина с осторож-

ным усердием слуги, не желающего попасть в немилость, он напомнил Рустану, чем он рискует. Неужто он повергнет обе семьи в отчаяние? Неужто вонзится нож в сердце своих родителей? Рустан заколебался, но Эбен укрепил его в первоначальном решении и развеял все его сомнения.

Для столь долгого путешествия у молодого мирзы не было денег. Мудрый Топаз не сумел их добыть, Эбену это Удалось. Он ловко выкрал алмаз у своего хозяина, заменил его поддельным, но похожим на него как две капли воды, а настоящий отдал под залог одному армянину за несколько тысяч рупий.

Получив деньги, маркиз мог отправиться в путь. Его пожитки погрузили на слона, все сели на лошадей. Топаз обратился к своему хозяину:

– Я имел смелость предостерегать вас от этой затеи, но, коль скоро я вас предостерег, мне остается только повиноваться, я в вашем полном распоряжении, моя любовь к вам беспредельна, я последую за вами хоть на край света, но по дороге обратимся за советом к оракулу, который находится всего в двух парасангах³ отсюда.

Рустан согласился. Оракул ответил:

– Ежели ты поедешь на восток, ты приедешь на запад.

Рустан не понял, что это должно означать. Топаз счел, что в таком ответе нет ничего хорошего. Эбен же, всегда готовый

³ Парасанг – персидская мера длины, равная приблизительно трем французским лье (то есть 4,5 км).

услужить, уверил Рустана, что ответ весьма благоприятный.

В Кабуле был еще один оракул, они обратились и к нему. Этот оракул ответил им следующими словами:

– Владея, ты владеть не будешь, победив, ты не победишь, ты Рустан, но перестанешь быть Рустаном.

Это предсказание было еще более непонятным, чем первое.

– Берегитесь, – говорил Топаз.

– Не бойтесь ничего, – говорил Эбен, и, как можно догадаться, этот советчик, поощрявший страсть и надежды своего господина, всегда оказывался прав.

Выехав из Кабула, караван вступает в бескрайний лес, они останавливаются перекусить и пускают лошадей пастись. Они собираются разгрузить слона, на которого навьючена вся снедь и посуда, как вдруг замечают, что в их маленьком караване не хватает Топаза и Эбена. Их зовут, их имена оглашают лес, слуги ищут их повсюду, надрываются в крике, но возвращаются ни с чем – никто не откликнулся на их зов.

– Мы видели только коршуна, он вступил в схватку с орлом и вырвал у него все перья, – говорят они Рустану.

Этот рассказ возбуждает любопытство Рустана, он идет к месту боя, но нет там ни коршуна, ни орла, зато он находит своего слона, так и не разгруженного, на которого набросился огромный носорог. Носорог пытается пронзить слона своим рогом, а тот отбивается хоботом. При появлении Рустана носорог бросает свою жертву, слуги приводят слона обратно,

но тем временем исчезают лошади.

– Странные дела творятся в лесу, когда путешествуешь! – восклицает Рустан.

Слуги пришли в уныние, а их господин был в полном отчаянии, ведь он потерял сразу всех лошадей, милого сердцу негра и мудрого Топаза, которого тоже любил от души, хотя тот ему и смел перечить.

Утешая себя надеждой вскоре пасть к ногам прекрасной принцессы Кашмира, Рустан продолжал свой путь, как вдруг навстречу ему попадает большой полосатый осел, которого изо всех сил колотит палкой здоровенный и страшный на вид детина. Нет более редкой, более красивой и более ходкой породы, чем эти полосатые ослы. На яростные удары осел отвечал таким могучим ляганьем, что вполне мог свалить дуб. Молодой мирза, как и следовало ожидать, встал на защиту осла, ибо тот был поистине прелестным созданием. Детина убежал, крикнув ослу:

– Ты мне еще поплатишься за это.

Осел на своем языке поблагодарил спасителя: подошел к Рустану, позволил себя приласкать и приласкался сам. Утолив голод, Рустан садится на осла и вместе со своими слугами, которые следуют за ним, кто на слоне, кто пешком, направляется к Кашмиру.

Но вместо того чтобы ехать по дороге в Кашмир, осел сразу же сворачивает к Кабулу. Рустан посылает осла в другую сторону, сжимает его бока, вонзает шпоры, отпускает уздеч-

ку, натягивает ее, стегает упряма и справа и слева – все напрасно, осел бежит в Кабул.

Рустан выбивается из сил, обливается потом, впадает в отчаяние и тут встречает торговца верблюдами, который говорит ему:

– Господин, ваш осел слишком хитер, он везет вас совсем не туда, куда вы желаете, уступите его мне, а взамен я дам вам на выбор четырех моих верблюдов.

Рустан благодарит провидение, ниспославшее ему такую выгодную сделку.

– Топаз был неправ, – говорит он, – предсказывая, что мое путешествие будет неудачным.

Рустан садится на самого красивого верблюда, остальные три следуют за ним, догоняет свой караван, воображая себя на пути к счастью.

Не успел он проехать и четырех парасангов, как перед ним возник бурливый поток, широкий и глубокий, ниспадавший со скал, белых от пены. Поток обрывался в такую пропасть, что кружилась голова и леденела кровь. Нет надежды ни переправиться через него, ни обойти стороной.

– Сдается мне, что Топаз был прав, осуждая мое путешествие, – сказал Рустан, – и я зря пустился в путь; будь он здесь, он мог бы меня предостеречь. А будь со мной Эбен, он бы меня утешил и нашел бы какой-нибудь выход, но у меня отняли все.

Уныние слуг усугубляло его отчаяние, ночь была темная,

и они провели ее в горестных сетованиях. Наконец влюбленный путешественник забылся сном, сраженный усталостью и горем. Он просыпается с восходом солнца и видит прекрасный мраморный мост, перекинутый над потоком от одного берега до другого.

Сколько тут было удивленных восклицаний, радостных криков:

– Возможно ли такое? Не сон ли это? Ну и чудо! Ну и волшебство! Решимся ли мы перейти на другую сторону?

Люди то падают на колени, то вскакивают на ноги, бегут к мосту, целуют землю, обращают взоры к небесам, простирают вверх руки, дрожа, ступают на мост, делают несколько шагов, возвращаются, приходят в экстаз, а Рустан говорит:

– На сей раз небеса благосклонны ко мне. Топаз сам не знал, что говорил, оракулы предсказали мне успех. Эбен был прав, но почему его нет с нами?

Едва только караван переправился на другой берег, как мост со страшным грохотом рухнул в воду.

– Тем лучше, тем лучше, – воскликнул Рустан. – Хвала богу! Благословение небесам! Бог не возжелал, чтобы я вернулся обратно, туда, где мне суждено остаться обыкновенным дворянином, он возжелал, чтобы я женился на той, кого люблю. Я стану принцем Кашмира, и таким образом, *владея* своей возлюбленной, я не буду *владеть* своим маленьким поместьем в Кандагаре. *Я буду Рустаном и не буду им*, коль стану принцем: стало быть, большая часть предска-

ния сбывается в мою пользу, остальное сбудется также; как я счастлив! Но почему со мной нет Эбена? Я жалею о нем в тысячу раз больше, чем о Топазе.

В превосходнейшем расположении духа он проехал еще несколько парасангов, а к вечеру неприступные цепи гор, круче, нежели стены крепости, и выше, чем Вавилонская башня, будь она даже достроена, преградили дорогу путешественникам, которых вновь обуял ужас.

Все закричали:

– Бог обрекает нас на погибель! Он разрушил мост, чтобы отнять у нас надежду на возвращение; он возвел горы, чтобы лишить нас возможности двигаться вперед. О Рустан! О несчастный маркиз! Никогда мы не увидим Кашмира, никогда мы не вернемся в Кандагар.

Безудержная радость и пьянящие надежды, которыми недавно была полна душа Рустана, уступили место жгучей печали и тяжкому унынию. Теперь он уже не пытался толковать прорицания оракулов в свою пользу.

– О небо! О боги моих предков! Зачем я лишился моего друга Топаза!

Так восклицал он, испуская глубокие вздохи и проливая слезы, окруженный своими несчастными слугами, как вдруг основание горы расступается и длинная сводчатая галерея, освещенная тысячью светильников, предстает перед потрясенными путешественниками; Рустан вскрикивает, люди его падают на колени, кто-то от изумления валится навзничь, все

кричат:

– Чудо, чудо! Рустан – любимец Вишну, возлюбленный Брамы, он станет властелином мира.

Рустан и сам уже верит в это, он в восторге, вне себя от счастья.

– Ах, Эбен, дорогой Эбен, где же ты? Посмотрел бы ты на эти чудеса! Где я тебя потерял? Прекрасная принцесса Кашмира, когда же я вновь буду любоваться вашей красотой?

Вместе со своими слугами, слоном и верблюдами он вступает под свод горы, и вскоре перед ними открывается усыпанный цветами луг с протекающим по нему ручьем, за лугом простираются тенистые аллеи, ведущие к реке, вдоль которой в окружении прелестных садиков расположены загородные дома. Отовсюду доносится музыка и пение, Рустан видит танцующих людей, он спешит перейти по мосту через реку и спрашивает у первого же встречного, что это за прекрасная страна.

Тот, к кому он обратился, ответил:

– Вы в провинции Кашмир, вы видите жителей в радости и веселье, мы празднуем бракосочетание нашей прекрасной принцессы, она выходит замуж за синьора Барбабу, которому отец обещал ее руку; да дарует им бог вечное счастье!

Услышав эти речи, Рустан упал без чувств, и кашмирец, решив, что он страдает падучей, перенес его к себе домой, где он долго лежал без памяти. Послали за двумя самыми искусными лекарями провинции, они пощупали пульс у боль-

ного, который, немного оправившись, стал рыдать, закрывать глаза и выкрикивать время от времени:

– Топаз, Топаз, как ты был прав! Один из лекарей сказал кашмирецу:

– Судя по выговору, этот молодой человек из Кандагара, ему вреден воздух нашей страны, его надо отправить обратно; по глазам видно, что он лишился рассудка, доверьте его моим заботам, я отвезу его на родину и вылечу.

Второй же лекарь утверждал, что Рустан заболел от горя и его нужно отправить на свадьбу принцессы, пусть он там потанцует. Пока они совещались, к больному вернулись силы, обоих лекарей отослали, и Рустан остался наедине с хозяином дома.

– Господин, – сказал он ему, – прошу простить меня за то, что я потерял сознание в вашем присутствии, я понимаю, сколь это было невежливо с моей стороны; умоляю вас принять моего слона в благодарность за те услуги, что вы мне оказали. – Затем он поведал ему все свои приключения, умолчав лишь о цели своего путешествия. – Именем Вишну и Браммы заклинаю вас, – сказал с«, – откройте мне, кто же этот счастливый Барбабу, который женится на принцессе Кашмира, почему принц выбрал его себе в зятя и почему принцесса дала согласие стать его супругой.

– Господин, – отвечивал кашмирец, – принцесса совсем не желает выходить замуж за Барбабу, напротив, она льет горячие слезы, и, пока вся провинция торжественно

празднует бракосочетание, она затерлась в дворцовой башне и даже слышать не хочет ни о каких увеселениях, а ведь они устроены в ее честь.

При этих словах Рустан почувствовал, что вновь возродился к жизни, и на лице его заиграл поблекший было от всех пережитых несчастий румянец.

– Тогда ответьте мне, почему же принц Кашмира непременно хочет отдать свою дочь какому-то Барбабу, который ей не мил?

– Дело вот в чем, – ответил кашмирец. – Известно ли вам, что у нашего высочайшего принца пропали огромный алмаз и волшебный дротик, которые были ему так дороги?

– Ах, мне это прекрасно известно, – вздохнул Рустан.

– Так знайте же, – продолжал хозяин, – что, не имея известий о своих пропавших сокровищах и объехав весь свет в поисках их, наш принц пообещал отдать свою дочь тому, кто доставит ему хотя бы одно из них. И вот явился Барбабу с алмазом, и завтра он женится на принцессе.

Рустан побледнел, пробормотал несколько слов благодарности, попрощался с хозяином дома и понесся на своем драмадере в столицу, где должна была состояться праздничная церемония. Он подъезжает к замку, говорит, что ему необходимо сообщить принцу важные сведения, он просит аудиенции, ему отвечают, что принц занят приготовлениями к свадьбе.

– Именно поэтому я и должен с ним поговорить, – не от-

ступают Рустан. Он так настойчив, что его пропускают.

– Ваше высочество, – говорит он ему, – да увенчает бог ваши дни славой и богатством! Ваш зять мошенник.

– Как так мошенник? Да как вы смеете? Ведь вы говорите о зяте герцога Кашмира!

– И все же он мошенник, – повторил Рустан, – и в доказательство – вот алмаз, который я вручаю вашему высочеству.

Потрясенный герцог сравнивает алмазы, а поскольку он в них ничего не смыслит, то и не может определить, какой из них настоящий.

– Алмаза два, – говорит он, – а дочь у меня только одна, ну и в историю я попал!

Он посылает за Барбабу и спрашивает, не обманщик ли он. Барбабу клянется, что он купил этот алмаз у одного армянина, Рустан же не говорит, откуда у него алмаз, но предлагает выход из затруднительного положения: пусть его высочество соблаговолит разрешить ему сейчас же сразиться с соперником.

– Ваш зять должен не только вернуть вам алмаз, но и доказать свою храбрость, и будет справедливо, если на принцессе женится тот, кто убьет соперника, – говорит Рустан.

– Вот и хорошо, – обрадовался принц, – и к тому же двор насладится прекрасным зрелищем, скорей начинайте бой, победитель, как принято в Кашмире, получит вооружение побежденного и женится на моей дочери. Оба жениха тут же спускаются во двор. На лестнице им встречаются соро-

ка и ворон. Ворон кричал: «Деритесь, деритесь!», а сорока: «Не деритесь!». Это рассмешило принца, а соперники прошли мимо, не обратив внимания; они начинают бой, и придворные окружают их тесным кольцом. Принцесса по-прежнему не выходит из башни, не желая присутствовать на поединке, – так ей отвратителен Барбабу; ей даже в голову не приходит, что ее возлюбленный в Кашмире. Бой закончился наилучшим образом, Барбабу сражен наповал, чему все рады, поскольку он был урод, а Рустан красавец, ведь именно так публика выбирает своих фаворитов.

Победитель надевает кольчугу, перевязь и шлем побежденного и, сопровождаемый всем двором, под звуки фанфар отправляется под окна своей возлюбленной. Все кричат:

– Прекрасная принцесса, взгляните на вашего красавца супруга, который убил своего гадкого соперника.

Ее служанки повторяли эти слова. На свою беду, принцесса выглядывает в окно и, увидев доспехи ненавистного жениха, в отчаянии бросается к китайскому сундуку, выхватывает роковой дротик, который в тот же миг, найдя просвет в кольчуге, пронзает тело Рустана; Рустан испускает ужасный крик, и принцессе кажется, что она слышит голос своего несчастного возлюбленного.

Она сбегает вниз, растрепанная, со смертельным ужасом в глазах и остановившимся сердцем. Рустан, весь окровавленный, лежит на руках ее отца. Она узнает его: о, страшный миг! о, это зрелище! о, эта встреча! Сколько в ней боли,

нежности и ужаса. Она бросается к нему, лобзает его, восклицает:

– Первый и последний поцелуй тебе дарит твоя возлюбленная и убийца.

Она выдергивает клинок из раны, вонзает его в свое сердце и умирает на груди обожаемого возлюбленного. Отец, потерявший голову от ужаса, сам готовый покончить с собой, пытается вернуть ее к жизни, но тщетно – она мертва. Он проклинает роковой дротик, разламывает его пополам, швыряет прочь оба злополучных алмаза и, пока вместо свадьбы готовятся похороны его дочери, велит перенести во дворец истекающего кровью Рустана, в котором еще теплится жизнь.

Его кладут на кровать. Первое, что он видит, – это Топаз и Эбен, стоящие по обе стороны от его смертного одра. Удивление его столь велико, что к нему возвращаются силы.

– Ах, жестокие, – восклицает он, – почему вы меня покинули! Оставайтесь вы с бедным Рустаном, и, может, принцесса Кашмира была бы сейчас жива!

– Я с вами не расставался ни на минуту, – говорит Топаз.

– Я все время был рядом с вами, – говорит Эбен.

– Ах, зачем вы это говорите? Можно ли надругаться над умирающим? – отвечает Рустан еле слышно.

– Я говорю сущую правду, – продолжает Топаз, – вы знали, что я никогда не одобрял этого злосчастливого путешествия, ужасные последствия которого я предвидел. Это я был

орлом, который бился с коршуном и потерял при этом перья, я был слоном, который унес кладь, чтобы вынудить вас вернуться на родину, я был полосатым ослом, который против вашей воли вез вас назад, к отцу, это я увел лошадей, я создал поток, который преградил вам путь, я возвел гору, которая закрыла перед вами дорогу, ведущую к гибели, я был лекарем, который прописал вам воздух родины, я был сорокой, которая кричала, чтобы вы не дрались.

– А я, – сказал Эбен, – был тем коршуном, который оципал орла, носорогом, который напал на слона, детиной, который колотил полосатого осла, торговцем, который дал вам верблюдов, дабы вы поспешили к гибели, я построил мост, по которому вы переправились через поток, я прорыл туннель, через который вы прошли, я был врачом, который старался приободрить вас, вороном, который призывал вас драться.

– Увы! Вспомни предсказания оракулов, – сказал Топаз: *-Ежели ты поедешь на восток, ты приедешь на запад.*

– Верно, – сказал Эбен, – здесь мертвецов хоронят лицом на запад: предсказание было совершенно ясным, почему ты не понял его? *Ты владел сокровищем, но и не владел, ибо твой алмаз был фальшивым, и ты этого не знал. Ты победитель, и вот ты умираешь. Ты Рустан, и ты перестаешь им быть: все исполнилось.*

Пока Эбен так говорил, за плечами Топаза выросли четыре белых крыла, а за его плечами четыре черных.

– Что я вижу? – вскричал Рустан.

Топаз и Эбен ответили хором:

– Ты видишь двух своих гениев.

– Эх, господа, – сказал им несчастный Рустан, – зачем вы вмешивались не в свое дело? Да и к чему два гения одному человеку?

– Таков закон, – ответил Топаз, – каждый человек имеет по два гения, первым сказал об этом Платон, другие это подтвердили, теперь ты видишь сам, что это совершенно справедливо, я, говорящий сейчас с тобой, я твой добрый гений, и моей обязанностью было заботиться о тебе до последнего твоего вздоха, что я и выполнял.

– Но, – возразил умирающий, – если ты был обязан мне служить, значит, я по природе превосхожу тебя, и потом, как ты смеешь говорить, что ты мой добрый гений, раз ты не помешал мне совершить все то, что я совершил, а теперь позволяешь мне и моей возлюбленной умереть жалкой смертью?

– Увы! Такова твоя судьба, – сказал Топаз.

– Если все зависит от судьбы, – возразил умирающий, – для чего же тогда нужен добрый гений? А раз у тебя, Эбен, крылья черные, стало быть, ты мой злой гений?

– Именно так, – ответил Эбен.

– Так, значит, ты был злым гением и у моей принцессы?

– Нет, у нее имелся свой собственный, а я просто неплохо ему помог.

– Ах, проклятый Эбен, но раз ты такой злой, то как ты

можешь вместе с Топазом служить одному и тому же хозяину? Вы должны происходить от двух разных начал, одно из которых – добро по своей природе, а другое – зло.

– Гут нет такой зависимости, – отозвался Эбен, – все гораздо сложнее.

– Не может быть, чтобы милосердное существо создало столь ужасного гения, – вновь заговорил умирающий.

– Возможно или невозможно, это так, – ответил Эбен.

– Ах, мой бедный друг, – сказал Топаз, – разве ты не видишь, что этот хитрец и мошенник еще пытается спорить с тобой, чтобы нарочно взволновать тебя и приблизить твой смертный час?

– Оставь меня, – промолвил опечаленный Рустан, – чем ты лучше его? Он хотя бы признается, что желал мне зла, а ты притязал меня защищать, а на самом деле ничем мне не помог.

– Мне очень жаль, – ответил добрый гений.

– Мне тоже, – сказал умирающий. – Во всем этом есть что-то такое, чего я никак не могу понять.

– И я тоже, – вздохнул несчастный добрый гений.

– Наверное, скоро все объяснится, – сказал Рустан.

– Посмотрим, – сказал Топаз.

Тут все исчезло. Рустан оказался в доме своего отца, из которого не выходил, в своей собственной постели, он спал всего час.

Он внезапно просыпается, весь в поту, растерянный, ощу-

пывает себя, зовет, кричит, звонит. Топаз, его лакей, в ночном колпаке, зевая, является на зов.

– Я умер или я жив? – спрашивает Рустан. – Жива ли прекрасная принцесса Кашмира?...

– Господина мучают кошмары? – спокойно спрашивает Топаз.

– Ах, – кричит Рустан, – что же случилось с этим негодяем Эбеном и его черными крылами? Это по его вине я умираю такой жестокой смертью.

– Господин, он храпит там наверху, я могу его позвать, если вам угодно.

– Негодяй, уже полгода он терзает меня, это он привез меня на злосчастную ярмарку в Кабул, это он подменил алмаз, который мне подарила принцесса, он один виноват в роковом путешествии, в смерти принцессы и в том, что, пронзенный дротиком, я умираю в самом расцвете сил.

– Успокойтесь, – ответил Топаз, – никогда вы не были в Кабуле, никакой принцессы Кашмира не существует на свете, у ее отца только двое сыновей, которые сейчас учатся в коллеже. У вас никогда не было алмаза; принцесса не могла умереть, коль она не рождалась, а вы в полном здравии.

– Как, разве не ты был со мной, когда я умирал на постели принца Кашмира? Разве не ты признался мне, что, стараясь уберечь меня от стольких бед, ты превращался в орла, слона, полосатого осла, врача и сороку?

– Господин, вам все это приснилось. Мы не властны над

нашими мыслями ни во сне, ни наяву. Быть может господь бог послал вам эту вереницу видений, чтобы через них внушить наставление к вашей же пользе.

– Ты смеешься надо мной! – вскричал Рустан. – Как долго я спал?

– Господин, вы спали всего один час.

– Так как же ты хочешь, проклятый резонер, чтобы я за один час успел побывать на ярмарке в Кабуле шесть месяцев тому назад, вернуться оттуда, совершить путешествие в Кашмир и умереть вместе с Барбабу и принцессой?

– Господин, в этом нет ничего невероятного и необычного, на самом деле вы могли бы совершить кругосветное путешествие и пережить гораздо больше приключений и за более короткий срок. Разве вы не можете прочесть за час краткую историю персов, написанную Зороастром, хотя она охватывает восемь тысяч лет? Эти события одно за другим проходят перед вашими глазами в течение одного часа, согласитесь же, что для Браммы совершенно все равно, сжать ли их в один час или растянуть на восемь тысяч лет. Представьте себе, что время – это вращающееся колесо, диаметр которого бесконечен. В этом огромном колесе расположены одно в другом бесчисленное множество более мелких колес, центральное колесо невидимо, но оно делает бесконечное множество оборотов за то время, пока огромное колесо проходит всего один. Отсюда ясно, что все события, от начала мира и до конца его, могут произойти, сохранив ту же последо-

вательность, за гораздо меньший срок, чем стотысячная доля секунды; теперь вы можете сказать, что так оно и есть.

– Я тут ничего не понимаю, – сказал Рустан.

– У меня есть попугай, который легко вам все объяснит, – предложил Топаз. – Он родился незадолго до потопа, побывал в ковчеге, многое повидал, однако ему всего полтора года. Он расскажет вам свою историю, она очень и очень занимательна.

– Иди скорее за попугаем, – сказал Рустан, – он меня позабавит, пока я снова не засну.

– Он у моей сестры, монахини, – ответил Топаз. – Я сейчас же отправлюсь за ним, вы останетесь довольны, у него превосходная память, он рассказывает просто, без прикрас, не стараясь при каждом удобном случае щегольнуть умом.

– Тем лучше, – сказал Рустан. – Я обожаю сказки!

Ему принесли попугая, и тот начал свой рассказ так...

Н. В. Мадемуазель Катрин Ваде⁴ так и не нашла историю попугая в бумагах своего покойного кузена Антуана Ваде автора этой сказки. Это весьма досадно, если вспомнишь, каких времен попугаю довелось быть свидетелем.

⁴ В изданных Вольтером в 1764 г. «Сказках Гийома Ваде» было помещено фиктивное предисловие некоей Екатерины Ваде, якобы издательницы сборника. Там, в частности, говорилось, что она поместила в книгу «некоторые милые рассуждения моего брата Антуана». И Екатерина Ваде и ее брат Антуан были выдумкой Вольтера.

